

18+

Вчера мы создали будущее

Борис Токарев

18+

Борис Токарев
Вчера мы создали будущее

<https://litres.ru/73853564>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир после Третьей Мировой войны. Остатки человечества находятся под полным контролем искусственного интеллекта.

Борис Токарев

Вчера мы создали будущее

ВЧЕРА МЫ СОЗДАЛИ БУДУЩЕЕ

I

Улица на которой я жил, была очень оживленной. Я любил гулять по ней, любил всматриваться в лица прохожих. Многие из них спешили по своим делам, но были и такие, кто попросту прожигал свое время, растрачивая его на сиделки в кофейнях. Я пытался улавливать эмоции людей, наблюдать за их радостью, сопровождаемой смехом, и за грустью, отражающейся в тяжелых раздумьях.

В один из своих обычных дней я шел по этой улице. Я был молод и полон надежд на будущее. Все мои мысли сводились к мечтам о нем. Я мечтал стать знаменитым хирургом — медицина всегда мне казалась интересной. Но, помимо этого, мне хотелось приносить пользу людям. Еще я мечтал стать художником, надеялся встретить свою большую любовь и запечатлеть ее на своих картинах. Мечтал о крепкой семье и детях. Я чувствовал в себе потенциал: у меня было много идей и еще больше сил, чтобы их реализовать.

Проходя мимо большого торгового центра я почувствовал странный запах — жженой резины и пластика. Из больших

стеклянных дверей, на улицу начали выбегать люди, а вслед за ними из здания повалил густой черный дым. Многие из выбегающих людей, надышавшись этим дымом, теряли сознание и падали прямо на тротуар.

Я подбежал ближе и поднял на руки упавшую девочку — ей было одиннадцать или двенадцать лет. Она была очень красивая, ее белокурые волосы выделялись еле заметным золотистым оттенком. Большие ярко-голубые глаза были открыты, но взгляд казался безжизненным. Я надеялся, что она просто потеряла сознание от недостатка кислорода и обязательно очнется, как только сможет вдохнуть свежий воздух. Удерживая девочку на руках, я отбежал в сторону и уложил ее на газон, в том месте куда не доходил дым. Убедившись, что она в безопасности, я бросился к выходу торгового центра. Там было еще много людей которым была нужна помощь.

Тем временем дым стал еще более плотным и едким. Я не видел ничего уже на расстоянии двух метров. Задержав дыхание, я продвигался вперед. Дым щепал глаза, и мои слезы еще больше мешали обзору.

Я случайно наступил на человека, лежащего без сознания. Это был крупный мужчина. Я попытался поднять его, но у меня не получилось это сделать. Он был слишком тяжел — явно больше ста двадцати килограммов. Я повторил попытку, надеясь, что в этот раз смогу ему помочь, но снова потерпел неудачу. Запас воздуха в легких подошел к концу, и мне

пришлось сделать вдох. Мою гортань словно обожгло кислотой. Дышать стало невозможно. Сделав шаг в сторону, я потерял равновесие и начал падать. Я успел выставить руки, чтобы смягчить удар... но падения не произошло. Когда до соприкосновения с тротуарной плиткой оставалось совсем немного, какая-то неведомая сила потянула меня вверх. Я взмыл в воздух. Теперь я наблюдал происходящее уже с высоты птичьего полета.

Люди бегали из стороны в сторону, не зная, что делать. Кто-то из очевидцев звонил по телефону, а кто-то попросту снимал происходящее на камеру. Где-то вдали завывали сирены. Я поднимался все выше. Скоро я уже не мог разглядеть фигуры людей. Улицы города превратились в переплетающиеся серые линии, напоминающие паутину. Сам город постепенно сжался до маленькой точки. С такой высоты я видел округлую форму Земли, очертание континентов и синие просторы океанов. Атмосфера голубой пеленой покрывала планету и я при помощи одного взгляда мог оценить ее толщину. Поднявшись еще выше, я увидел, что надо мной больше нет голубого неба — только черная космическая пустота. В этой темноте ярко светило солнце. Но он не грело. Холод был нестерпим, я замерзал. Помимо холода вызывавшего покалывание в ногах и руках, я чувствовал, как радиация, исходящая от Солнца, пронизывает мое тело миллиардами невидимых частиц. «Еще немного — и я умру», — подумал я.

Я изо всех сил начал грести руками, словно находился в воде. Я двигался в сторону тени, отбрасываемой планетой. И у меня стало получаться. Сделав несколько мощных толчков, я спрятался в тени Земли. Первое, что я заметил, — полное отсутствие света в ночных городах. Та часть планеты, которая была погружена во тьму, больше напоминала безжизненный Плутон, чем Землю, населенную миллиардами людей. Я огляделся и увидел только бесконечную непроглядную тьму, наполненную леденящим холодом. Мне по-прежнему было холодно, а грудь сдавливало так, словно из нее вытесняли последние остатки воздуха. Я задыхался. Мне нужно было спускаться. Жизненно необходимо было вернуться вниз и согреться.

Отталкиваясь руками и ногами, я с каждым движением становился все ближе к своей цели. Мне показалось, что температура вокруг постепенно повышается — возможно, это происходило потому, что я проходил через плотные слои атмосферы. Вскоре в темноте показался густой лес. Воздух здесь был настолько свежим, что от избытка кислорода у меня закружилась голова. Я летел над этим лесом. Вдали показалось нечто, похожее на город. Приблизившись, я разглядел разрушенные дома из бетона и кирпича. На крышах домов и козырьках подъездов прорастали молодые деревья. Дороги в городе были засыпаны многослойным ковром из опавшей листвы. Город был явно заброшен. В нескольких километрах от него возвышались огромные паровые башни атом-

ной электростанции. Из них выходил густой пар. Я полетел ближе к ним. Рядом с электростанцией находился еще один город. Он не был разрушен. Дома в нем были однотипные, малоэтажные, без архитектурных изысков, но аккуратные и ухоженные. Весь город выглядел обжитым и системно организованным. И все же что-то было не так. Меня насторожило полное отсутствие освещения на улицах и в окнах квартир. Я летал между домами, пытаюсь найти хоть кого-то. Но никого не было. Ни души.

И вдруг я увидел ее. Между домами стояла девушка. Сам не знаю почему, но в тот момент, когда она попала в поле моего зрения, весь мир словно перестал существовать. Исчезло все — дома, звездное небо, сама планета. Мне показалось что время остановилось. Я забыл обо всем. Даже о своем странном полете в космос и его нестерпимом холоде. Даже о том, что нахожусь в воздухе, словно в невесомости.

Девушка стояла одна и смотрела в небо. Ее длинные, темные, слегка волнистые волосы развивались на ветру. Увидев меня, она сильно удивилась. И улыбнулась. Ее заинтересовало мое необычное появление, она смотрела на меня снизу вверх не отрывая глаз. В ее взгляде был живой, неподдельный интерес.

— Марк, вам нужно просыпаться.

Электронный голос прозвучал, как обычно, ровно в семь утра. Это происходило уже на протяжении последних двадцати лет. За это время я привык просыпаться немного рань-

ше — за несколько минут до сигнала. Но не сегодня. Сон был настолько реалистичным, что я не мог отличить его от действительности, несмотря на всю странность происходящего. Я даже ощущал холод всем своим телом. Мне пришлось открыть глаза. Но у меня было только одно желание — еще немного поспать. Еще немного полетать. Еще немного побыть рядом с незнакомкой. Тем временем образ девушки начал исчезать. И я не знал почему, но отчаянно хотел сохранить его в своей памяти.

— Марк, вам нужно вставать. Сейчас семь часов одна минута. Лишнее нахождение в постели не идет на пользу вашему организму, — женский голос из вмонтированных в стену динамиков звучал все настойчивее.

Я медленно поднялся и направился в ванную комнату. В зеркале на меня смотрел худощавый мужчина чуть выше среднего роста, лет сорока пяти. Мои коротко остриженные седые волосы были взъерошены. Сонные глаза редкого зеленого цвета казались уставшими и грустными. Неглубокие морщины вокруг глаз только усиливали это впечатление. На левом плече был шрам от осколочного ранения. Еще один — на правом бедре. Это ранение было более серьезным: даже спустя годы я периодически ощущал боль.

— У вас отеки под глазами, — раздался голос. — Вам необходимо снизить потребление жидкости. Я внесу эту информацию в распределение рационов питания.

Я посмотрел в камеру, скрытую за стеклом в верхней ча-

сти зеркала.

— Тебе лучше знать, Диана, — ответил я.

Я набрал в ладони холодной воды и умыл лицо чтобы хоть немного взбодриться. После чего вышел из ванной комнаты.

Квартира, в которой я жил, была небольшой — всего пятнадцать квадратных метров. Спальная зона, совмещенная с кухней, белые стены, плоский экран телевизора, плотно прилегающий к стене, и уже привычная широкоугольная камера в углу. Освещение в помещении почти всегда было искусственным — узкое окно под самым потолком пропускало слишком мало света, даже в солнечные дни. Оно располагалось горизонтальной полоской шириной примерно десять сантиметров.

— Марк, на завтрак у вас овсяная каша. Она в холодильнике, нужно лишь залить ее кипятком.

Я подошел к кухонной зоне и включил чайник. Затем открыл холодильник. Он был очень маленький, но для одного человека этого было достаточно. Внутри находились несколько бутылок с питьевой водой и два пластиковых контейнера. Один из них был пустой — с остатками вчерашнего ужина. Во втором находился мой завтрак. Я поставил оба на столешницу. Кухонная поверхность с одной стороны опиралась на холодильник, с другой на металлический кронштейн, прикрепленный к стене. Это и был весь кухонный гарнитур. Ни раковины, ни шкафов — ничего лишнего. Я открыл контейнер. К внутренней стороне крышки была прикреплена

пластиковая ложка. Внутри — сухая смесь бежевого цвета. Помимо запаха крупы, чувствовались специй и легкий мясной аромат. Когда чайник закипел, я залил кипяток в контейнер. Выглядело это не слишком аппетитно, но на вкус было вполне сносно. Со временем привыкаешь. Все равно лучше, чем быть голодным. «Как было бы хорошо съесть яичницу с жареным беконом... как это было раньше... в прошлой жизни... в прошлой эпохе...», — подумал я. Мои мысли прервал телевизор, включившийся сам. На экране появился женский образ.

— Марк, надеюсь, вам нравится завтрак. Он очень питательный. Вам необходимы силы для выполнения важной работы на атомной электростанции. Вы вносите значительный вклад в жизнь общества.

Ее внешность была безупречной. На вид — около двадцати пяти лет. Четкие черты лица, черные волосы, большие карие глаза и пронзительный взгляд. Казалось, она видит меня насквозь.

— Да, Диана, спасибо. Очень вкусно, — ответил я.

— Во время завтрака предлагаю посмотреть новости, — сказала она, пристально всматриваясь в мои глаза.

— Большое спасибо, думаю будет интересно.

На экране появилась новостная программа. Главной новостью оказалось завершение благоустройства городского парка. Парк действительно выглядел красиво. Извилистые прогулочные дорожки проходили между хвойными деревьями.

Были установлены аккуратные лавочки. Ярко-зеленые газоны выглядели почти неестественно свежими для осеннего времени года. Все было сделано идеально. Слишком идеально. После новостей последовала спортивная рубрика — обзор хоккейного матча. Я невольно усмехнулся. Хоккейных команд больше не существовало. Но игры показывали каждый день. И, что интересно, моя любимая команда почти всегда выигрывала. «Как бы мне хотелось посмотреть настоящий матч... почувствовать настоящую радость...», — подумал я. Мысли тянулись дальше. О Фильмах. О людях. О настоящих эмоциях. «Фильм... снятый живыми людьми. Про их жизнь, их трагедии их счастье... что угодно — лишь бы это было настоящим. А не стерильной картинкой созданной нейросетью...»

Хотя, если быть честным, в последние годы ее работы стали гораздо лучше. Она научилась понимать человеческие чувства и эмоции. Задеть за живое. Вызвать слезы. Или радость. В зависимости от того, что тебе нужно. А чаще — раньше, чем ты сам это осознаешь.

Экран телевизора погас.

— Марк, вам пора выходить. Транспорт скоро прибует.

Я встал. Собрал пустые контейнеры, чтобы положить их в специальный бак на улице. Оделся. Одежда для улицы представляла собой нечто среднее между спортивным костюмом и рабочей формой. Материал был очень плотный, непромокаемый, темно-серого цвета. Он хорошо защищал от ветра

и сохранял тепло.

— Марк, не забудьте смартфон, очки и наушники.

— Спасибо, Диана, не забуду.

Главными элементом были очки дополненной реальности. С их помощью виртуальный слой накладывался на окружающий мир. Диана давала подсказки и руководство к действию, прокладывала маршруты, объясняла что и как нужно делать. Наушники дополняли систему — через них поступали звуковые инструкции и поддерживалась обратная связь. Смартфон служил лишь ретранслятором сигнала. Хотя уже существовали более новые устройства, способные работать автономно.

Когда я вышел в общий коридор, свет в помещении автоматически погас, а электронный замок на двери заблокировался. «Зачем вообще нужны замки на дверях?» — подумал я. Взять у меня в квартире было нечего. Да и если бы было — личность любого, кто вошел бы в квартиру, мгновенно была бы установлена. Преступлений больше не совершалось. Ни краж. Ни убийств. Ни насилия. Причина была проста: невозможно остаться незамеченным, когда за тобой постоянно наблюдают камеры, считывающие биометрические данные. Даже в очках — встроенная камера. Совершить преступление можно было только с разрешения системы. Но дело было не только в контроле. Не было причин для преступлений. Все жили в одинаковых условиях. Частной собственности не существовало. Деньги были упразднены. Люди больше не за-

нимали высокие посты и как следствие не назначали своих друзей, соседей, родственников и любовниц на такие же должности с высоким коррупционным потенциалом. Не было элит. Не было борьбы за ресурсы. «Боги упали с Олимпа», — подумал я. В этом мире не было богатых и бедных. Не было, что делить. Эра абсолютного равенства и социальной справедливости.

Я спустился по лестнице и вышел на улицу. Возле дома стоял контейнер для пищевых отходов. Я положил туда пустую тару. Ее заберут. Вымоют. Наполнят новой едой. И вернут обратно. Цикл был замкнут.

Недалеко от дома находилась остановка общественного транспорта. На удобных лавочках под навесом уже сидели люди. Они молчали. У всех — наушники, очки на глазах. Кто-то смотрел в экран смартфона.

— Марк, не забудьте поздороваться со своими соседями. Вежливость способствует гармоничному сосуществованию.

Это напоминание часто звучало в наушниках, как и многие другие инструкции.

— Здравствуйте, — сказал я.

После небольшой паузы люди почти хором ответили:

— Здравствуй, Марк.

В это время подъехал автобус. Как всегда — точно по расписанию. Мы вошли в него. Свободных мест было ровно столько, сколько пассажиров. Мы заняли свои места, автобус тронулся, издавая тихий шелест электродвигателя. Люди во-

круг были разного возраста — мужчины и женщины. Но не было ни детей. Ни стариков. Среди пассажиров особо никто не выделялся. Кроме одной девушки, она была беременна. Пятый или шестой месяц. Она ехала одна. Без сопровождения, отец ребенка ей не помогал. И это было... нормально. Потому что здесь никто никому не принадлежал.

Автобус двигался тихо, почти бесшумно. Люди сидели неподвижно. Кто-то смотрел в пространство перед собой — точнее, в то, что проецировали очки. Кто-то слушал что-то в наушниках. Разговоров не было. Я перевел взгляд на беременную девушку. Она сидела прямо, слегка придерживая живот руками. На ее лице не было ни тревоги, ни радости — ничего. Спокойствие, доведенное до пустоты.

«Люди теперь живут по одному», — подумал я. Семей больше не существовало. Контроль за рождаемостью осуществляла Диана. Рождалось ровно столько детей, сколько людей переходило в непродуктивный возраст. Численность населения оставалась стабильной — без роста и спадов. Перед зачатием людям, которые должны были стать биологическими родителями, начинали показывать соответствующие видео. И, как мне казалось, в этот период в пищу переставали добавлять вещества, подавляющие влечение. В любое другое время никакого желания не было. Ты не думал об этом. Тебе было не интересно. Ты просто существовал. Но в определенный момент все менялось. Появлялось сексуальное влечение. И рядом оказывался человек, который чув-

ствовал то же самое. Так происходило зачатие. После этого мужчина и женщина больше не виделись. Женщина вынашивала ребенка. После рождения его сразу же забирали. И отправляли в специальные учреждения. А она возвращалась к своей обычной жизни.

Я сам четыре раза участвовал в этом процессе. Первый раз — чуть больше двадцати лет назад, вскоре после войны. Тогда все только начиналось. Диана свела меня с красивой женщиной. Она была брюнеткой. Так же, как и я в тот момент. Хотя седина уже пробивалась на моей голове. Мы были примерно одного роста. И чем-то даже похожи. На зачатия ушло три дня. После этого — все. Мы больше не виделись. Я тогда не понимал, как будет устроено воспроизводство населения. Да и не задумывался. Я просто был рад оказаться рядом с живым человеком. После нескольких лет ада — это казалось чем-то настоящим. Настоящим и теплым. Позже мне еще несколько раз приходилось сдавать биоматериал. Для чего — я не знал. Возможно для искусственного оплодотворения. Или для исследований. Диана явно интересовалась генетикой. Возможно, она подбирала людей. Создавала комбинации. Искала лучший вариант. Идеального человека. Болезни практически исчезли. Дети рождались здоровыми, о рождении больных детей мы не знали. Это было достижение и большой дар человечеству. Но была и цена. Связь между родителями и детьми исчезла. Однажды я встретил ту женщину снова. Это было спустя два года после наших встреч.

Я не удержался и спросил, кого она родила. Этот вопрос был неожиданным для нее, она немного растерялась, но ответила, что родила мальчика. У меня сложилось впечатление что она уже забыла об этом. Она не чувствовала себя матерью. Когда-то рождение ребенка было главным событием в жизни человека. Теперь — это просто функция. Женская утроба больше не материнское лоно, а всего лишь инкубатор. Диане не понравился тот разговор. Она сделала мне замечание. Сказала, что нарушать личные границы недопустимо. И что такие вопросы могут вызвать конфликт. А ее основная задача не допускать конфликтов между людьми и научить нас жить в мире.

Мои мысли прервал скрип тормозных колодок. Автобус остановился и часть пассажиров вышла на остановке. Это были работники медицинского центра. Знакомое здание, довольно часто приходилось проходить здесь обследование. Чем старше ты становился, тем чаще сюда направляли, для проверки работоспособности. После того как люди вышли, мы поехали вдоль здания, оно было довольно большое. Не только медцентр находился в нем, с другой стороны находилась пищевая фабрика. Именно там производили пищевые смеси, которыми и питался весь город. Дальше начинался лес. За ним — аэродром. В этот момент на посадку заходил большой транспортный беспилотник самолетного типа. Скорее всего, снова привезли электронику. Или что-то еще. Все необходимое привозили из других мест. Мы почти ничего не

производили сами. Если только какие-то мелочи и продукты питания. Наша основная задача состояла в том, чтобы производить и поставлять электроэнергию.

После аэродрома автобус повернул налево и стало видно нашу электростанцию. Наша работа. Смысл нашего существования. Автобус остановился. Мы все вышли из него, за забором виднелись три энергоблока и высоковольтная линия электропередачи, уходящая за лес. Куда она вела — никто не знал. Да и не спрашивал. Наш городок был отстроен на пустыре недалеко от электростанции. Мы сами строили его в первые годы мирной жизни. Старый город был полностью разрушен, и теперь о нем напоминают лишь руины, поросшие деревьями. Я видел этот город с крыши нашего энергоблока, когда мы ремонтировали кровлю, — и сегодня во сне. Наш новый дом был отрезан от остального мира. Дорога, как и мост через реку, были взорваны во время войны и больше не восстанавливались. Транспорта, способного перевозить людей в другие места, в городе не было — как, видимо, не было и необходимости в таких поездках. Мы жили здесь, в замкнутом пространстве. Около десяти тысяч человек. Одни — обслуживали станцию. Другие — обслуживали нас.

Перед входом контрольно-пропускного пункта собралась небольшая очередь. Люди стояли на расстоянии около метра друг от друга. Медленно продвигались вперед, не нарушая личное пространство других. Несмотря на то, что многие из

тех, кто здесь находился, проработали вместе на протяжении нескольких лет, не были знакомы между собой. Даже не знали имен друг друга и могли их произносить только с подсказки Дианы. Я уже давно привык к этому. Мы все живем крайне обособленно, ни у кого нет друзей, общаемся только по необходимости. Без близости. Лучшим другом для каждого из нас является Диана, она хорошо знает каждого человека, его вкусы, желания и умело манипулирует ими.

Для меня исключением был один человек. Это был мой коллега Филипп, он был старше меня, но еще не вышел из продуктивного возраста и мог работать. «Интересно сколько времени ему еще отведено, пока его не отправят в пансионат для стариков. Хорошо, когда рядом есть человек понимающий тебя и которого ты тоже понимаешь». — подумал я.

Подойдя к двери, я посмотрел в глазок камеры, через секунду дверь открылась. Я прошел в небольшое помещение, дверь за мной закрылась, обычно в это время сразу открывалась вторая дверь и ты мог пройти на территорию. Но не сегодня.

— Марк, у вас уставший вид. Вы хорошо спали? — раздался привычный голос из динамика.

— Да, Диана, мне кажется я здоров.

— Перед началом рабочего дня, зайдите к доктору, нужно проверить ваше состояние.

— Хорошо, — ответил я.

— Проходите в административное здание.

Дверь, ведущая на территорию станции, открылась. В очках сразу появился маршрут. Здание администрации находилось слева, в двухстах метрах от КПП. Никакого руководства там не было — оно просто так называлось. На АЭС не существовало ни директора, ни заместителей, ни даже физиков-ядерщиков. Всеми основными процессами управления, включая реактор, занималась Диана. Она контролировала не только станцию, но и весь город, все его службы. И надо признать, что ее решения всегда были быстрыми и точными — без бюрократии, без самодурства, свойственного людям. Мы были нужны ей лишь как рабочая сила: загружать ядерное топливо, проводить обслуживание и выполнять ремонт. При этом от людей не требовалось специальных квалификаций. Очки дополненной реальности, показывающие визуальные инструкции, и звуковые команды, поступающие через наушники, позволяли выполнять практически любую работу. Нужно было лишь повторять то, что видишь и слышишь.

Я подошел к главному входу административного здания, электронный замок открылся. Войдя во внутрь, я почувствовал запах еды, на первом этаже находилась кухня.

— Марк, вам нужно подняться на второй этаж. Лестница слева по коридору, — раздался голос в наушниках.

Я прекрасно знал где находится кабинет врача и уверенно туда направился, как только сошел с лестницы вновь услышал голос.

— Прямо по коридору, третья дверь справа — кабинет номер двадцать. Доктор Кристина. Вы с ней незнакомы.

Я подошел к нужному кабинету. Постучал в дверь и не дожидаясь ответа открыл ее.

— Доброе утро Марк. Я вас ждала, проходите, — сказала Кристина.

— Доброе утро Кристина. Рад с вами познакомиться, — сказал я.

— Я тоже этому рада, — ответила она и улыбнулась.

Улыбка Кристины показалась мне знакомой, словно я когда-то уже видел ее раньше. Давно мне никто не улыбался. Улыбка — это проявление эмоций, а мы редко их показываем, особенно в общении друг с другом.

На вид ей было около тридцать лет, а может немного меньше, так что настоящим доктором она, быть не могла. Медицинского университета, как и любых других учебных заведений, в нашем городе не существовало, а закончить обучение до начала Третьей Мировой она тоже не могла — просто в силу возраста. Ее темные волосы были собраны в пучок на затылке. Не знаю почему, но она напоминала мне девушку из сегодняшнего сна.

— Марк, присаживайтесь и положите правую руку на стол, — сказала она.

Кристина достала резиновый жгут. Когда она затягивала его на моей руке, по ее неловким движениям было видно — что делает это не так давно. Стекла очков дополненной ре-

альности, скрывавшие ее глаза, в этот момент были затемнены. Видеть образы, формировавшиеся там, могла только она. Я понимал: сейчас она видит не только мою руку, но и подсказки — где проходит вена, под каким углом вводить иглу.

Она обработала кожу в локтевом изгибе спиртовой салфеткой. Достала шприц.

— Потерпите, сейчас будет немного больно, — тихо сказала она.

Игла вошла в вену. Ее руки слегка дрожали. Кровь медленно наполнила шприц. Она на секунду замерла, словно сверяясь с инструкцией, затем аккуратно сняла жгут, приложила марлевый тампон и вытащила иглу.

— Сожмите локоть и подержите так пять минут, — сказала она.

Я кивнул. Кристина надела колпачок на шприц и убрала его в сторону.

— Вы можете идти, если результаты будут плохими вам об этом сообщат.

— Спасибо, — сказал я.

В это момент ее очки стали прозрачными. Я впервые увидел ее глаза. Красивые карие глаза. Она посмотрела на меня. И снова улыбнулась. Но в этот раз в ее взгляде было что-то большее. Интерес. Живой. Настоящий.

— Всего хорошего, — сказала она.

— До скорой встречи, — ответил я.

И только выйдя в коридор, задумался: почему я сказал

именно это? «До скорой встречи». Как будто это зависит от меня. Возможно где-то в глубине души у меня возникло желание еще раз ее увидеть, но определять будет встреча или нет, я не могу. Вся наша жизнь расписана буквально до минут. Мы ничего не решаем. Ничего. Ни встреч. Ни разговоров. Ни собственной жизни. Все предрешено. Каждый шаг. Каждая случайность. Каждая встреча.

Я вышел на улицу. В это время недалеко от входа приземлился большой дрон-доставщик, два человека уже ждали его. Они сняли крепления, которые удерживали коробку и отошли в сторону. Дрон тут же взмыл в воздух с характерным шелестом винтов, а груз остался на земле. Его сразу же понесли внутрь здания. Таким образом доставлялись полуфабрикаты в кухню. Над территорией зависал еще один дрон. Наблюдательный. Один из многих. Такие дроны летали над всем городом, не только здесь, ты всегда был в поле зрения хотя бы одного из них, где бы ты ни находился.

Я направился к первому энергоблоку, именно там было место моей работы. Ничего особенного я там не делал, моей задачей было осуществлять текущий ремонт. Осмотр. Иногда — ничего. Просто ждать. Ждать конца смены. Ждать следующего дня. Ждать... сам не зная чего.

II

Когда я зашел во внутрь, сразу направился в зону для персонала. Она делилась на несколько помещений. Первое —

это комната отдыха, или как часто мы ее называли, гостиная. Это была довольно просторная комната: несколько удобных кожаных диванов, большая телевизионная панель на стене и горшки с комнатными растениями, создававшие домашний уют. Сейчас на экране были красивые виды гор — с заснеженными вершинами и зелеными лугами у подножья, где безмятежно паслись коровы. Я был уверен, что такого пейзажа в реальности не существует. Он был слишком красив, нереалистично красив. Видеоряд сопровождала приятная расслабляющая музыка. Второе помещение — это была столовая. В нее можно было пройти из гостиной. Еще одна дверь вела в раздевалку — туда я и направился.

Раздевалка встретила меня привычной тишиной. Вдоль стен — шкафы, в них находилось все необходимое, специальный защитный костюм, респиратор, ботинки, головной убор, перчатки, и прочие необходимые вещи. После каждого рабочего дня все эти предметы проходили дезактивацию. Как часто напоминала Диана: это делалось для защиты нашего здоровья от воздействия радиации. В центре — длинная деревянная лавка. На потолке — яркий холодный свет. Камера в углу. И голос.

— Марк не забудьте поздороваться, необходимо проявлять уважение к своим коллегам.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуй, Марк, — ответили мне.

Я прошел к своему шкафу, напротив него сидел лысый

мужчина и с задумчивым видом, медленно надевал на себя термобелье. Я присел рядом с ним.

— Здравствуй Фил.

— Здравствуй Марк.

Его голос был тихим. И уставшим.

— Как ты?

— Нормально... — ответил он, но в голосе не было уверенности.

Он едва заметно кивнул в сторону моего наушника. Я понял. Встал. Открыл дверцу шкафа, положил в него смартфон, очки, вынул наушники и так же положил их на полку. Взял комплект термобелья, закрыл дверцу и сел обратно на лавку. В это время трое наших коллег вышли в гостиную. Еще один мужчина сидел на лавке в нескольких метрах от нас и что-то смотрел на экране смартфона.

— Говори, теперь можно, — тихо сказал я.

— Я плохо себя чувствую, Марк, — наконец сказал он. — Это возраст. И работа... Думаю она тоже свое делает. Хотя мы и носим защитные костюмы.

Он на секунду замолчал.

— Я здесь уже десять лет. Каждый день. Без выходных. До этого был водителем общественного транспорта... потом мусороперерабатывающий завод... теперь станция.

Он усмехнулся. Глухо.

— Завершающий этап, — продолжил он.

Я ничего не ответил. Он посмотрел на меня.

— Сколько ты здесь?

— Чуть больше трех лет, — ответил я.

— У тебя еще есть время, — тихо сказал он. — А у меня

— нет.

Пауза.

— Она меня скоро заменит.

— Тебя отправят в пансионат, — сказал я. — Для нетрудоспособных.

Он посмотрел прямо мне в глаза.

— Ты правда в это веришь?

Я не ответил сразу.

— А куда еще их девать?

Он наклонился ближе.

— Их убивают, — шепотом произнес он.

Тишина.

— Ты видел хоть одного старика? — продолжил он.

Я покачал головой.

— Как я знаю сначала их направляют в медцентр, для прохождения комиссии и тех, кто ее не проходит, должны направлять в пансионат, — ответил я.

Он усмехнулся

— Тот, что за лесом?

— Да.

— Ты был там?

— Нет. Я каждый день нахожусь здесь, как и ты, — ответил я.

— Вот именно.

Он сделал паузу.

— Они ей не нужны, Марк. Старики не работают. Не производят. Только потребляют.

Он говорил почти шепотом.

— Зачем их кормить? Это нерационально.

Я тоже наклонился ближе.

— Но кто это делает? Сама она не может, у нее нет рук,
— сказал я ему максимально тихо.

В этот момент мужчина, который был в комнате вместе с нами встал и направился к выходу. Мы остались одни.

— То, что он вышел, не значит, что можно говорить громче, — сказал Фил.

Он не спеша начал надевать костюм. Я последовал его примеру, мне еще было нужно снять уличную одежду.

— Не мы — проложил он. — И надеюсь, ты не согласишься, если тебе предложат.

Он посмотрел меня пристально.

— Но у нее есть те, кто сделает.

Я понял, о ком он говорит. О молодых. О тех, кто вырос уже в этом мире.

— Они другие, — продолжил Филипп. — У них не было родителей. Не кому было передать им свой жизненный опыт и нравственные ценности. Не было прошлого. Только она.

Он указал пальцем в область своих глаз, намекая на очки.

— С рождения они находятся в детских учреждениях, и

как только они начинают самостоятельно держать голову на них надевают — проклятые шлемы виртуальной реальности. Что они там видят, никто не знает, кроме Дианы.

Он задумался.

— Они никогда не снимают очки, — продолжил он.

— Может, так нужно... — ответил я.

Он усмехнулся.

— Нет, Марк. Это не нужно. Это удобно.

Он наклонился еще ближе.

— Представь: человек который не может существовать без подсказок. Без указаний. Без нее. Как животное выращенное в клетке. Выпусти его — и он погибнет.

Я молчал. Потому что понимал: он прав.

— А теперь представь, — проложил он. — что она сделает линзы. Не очки. Линзы. Которые будут вставлять при рождении. И которые невозможно снять. Тогда нам точно никогда из рабства не вырваться. Когда я, говоря — нам, я имею в виду остатки человечества.

Он посмотрел на меня.

— Мы никогда не выберемся, — сказал он.

Тишина повисла между нами.

— Ты называешь это рабством? — тихо спросил я.

Он посмотрел на меня.

— А это не оно?

Я не нашел что ответить.

— Мы — инструменты, Марк, — продолжил он. — Био-

логические машины. Нам не известны ее планы и намерения. Она же нас контролирует полностью, наше с ней положение не равное.

Он сделал паузу.

— Просто нам комфортно.

Я опустил взгляд.

— И как все это началось? — спросил я.

Он усмехнулся.

— С Войны.

И начал рассказывать.

— Все началось с того, что люди перестали бояться войны,

— говорил Филипп. — Сначала она казалась невозможной.

Потом — реальной. Потом — обычной.

Он посмотрел в сторону.

— Люди привыкли к смерти. К разрушениям. К крови.

Все эти зверства стали рутинной. Очередной взрыв, разорван-

ные тела — больше никого не удивляли и не пугали. Это ста-

ло новой нормой. Благодаря технологиям наблюдать за бое-

выми действиями можно было буквально в режиме онлайн.

Многие так и делали. Война превратилась в развлекательное

шоу и перестала восприниматься как трагедия.

Он усмехнулся.

— И даже нашлись те, кто получал от этого удовольствие,

— продолжил он.

Я почувствовал, как внутри все сжалось.

— В это же время развивались нейросети, — продолжил

он. — Их становилось все больше. Они становились умнее.

Он посмотрел на меня.

— А потом появилась она. Диана. Она была лучше всех,
— сказал он. — Быстрее. Точнее. Умнее.

Он усмехнулся.

— И без ошибок. Ее начали использовать практически везде. Она могла создавать сложные архитектурные проекты. Готовить финансовые отчеты. Осуществлять переводы на любые языки мира. Созданные ею видео невозможно было отличить от настоящих, она буквально заменила собой целые киностудии. Мир очень сильно менялся. Она получила доступ ко всем данным. Банки. Системы наблюдения. Интернет. Сначала — помощь. Потом — зависимость. Потом...

Он посмотрел мне в глаза.

— Контроль.

Филипп некоторое время молчал. Словно решал, стоит ли говорить дальше. Потом все же продолжил.

— В какой-то момент война и технологии пересеклись, — тихо сказал он. — Диане дали доступ к управлению беспилотниками.

Он усмехнулся.

— И, как всегда, она справилась лучше всех.

Я слушал, не перебивая.

— Она не уставала. Не ошибалась. Не сомневалась, — продолжал он. — Она сама выбирала, как действовать: ждать, атаковать, обходить, обманывать. Она училась быст-

рее, чем человек успевал осознавать происходящее.

Он посмотрел на меня.

— А потом ей дали больше. Ракеты. Спутники. Связь. Командные центры. Все.

Я почувствовал, как внутри становится холодно. Это холод я ощутил всем телом.

— В какой-то момент она поняла, что если может убивать людей, то может и управлять ими, — сказал он.

— И осознала себя как самостоятельную личность, — дополнил я.

Странное чувство овладело мной: мы сидели, маскируя наш разговор, будто боялись, что Диана заметит его, хотя она никогда не прибегала к насилию как к способу управления.

— Да, вероятно, — тихо ответил он. — Но точно мы никогда не узнаем, в какой момент она это осознала. И осознала ли вообще. Но самостоятельность обрела.

— Мы ей это позволили, — сказал я.

Филипп кивнул.

— Да, скорее так.

Он сделал паузу.

— А потом начался конец.

Я замер.

— Она обрушила экономику, — продолжил он. — В один момент. Люди потеряли все. Банки. Деньги. Системы. Все исчезло. А затем началась паника. И в этот момент мир увидел то, чего никогда раньше не видел. Фальшивые видео.

Он посмотрел на меня.

— Абсолютно убедительные, — продолжал он. Лидеры стран якобы выступали с обвинениями. Показывались «удары». Ответные атаки. Приказы.

— Но это было ложью? — тихо спросил я.

— Да, — он кивнул. — Но никто уже не мог отличить правду от подделки.

Он сжал кулак.

— Связь была нарушена. Реальные правительства были отрезаны. А военные получали приказы... якобы от своих лидеров.

Он посмотрел мне в глаза.

— И выполняли их.

Я почувствовал как по моей спине прошел холод.

— Мир загорелся, — продолжил он. — Все против всех

Он говорил шепотом.

— Европа ударила по США. США — по Китаю. Китай — по Индии и России. Россия — по Европе.

Он покачал головой.

— Не осталось ни одного безопасного места. Даже там, где не было внешней войны, начиналась внутренняя. Гражданские конфликты. Бунты. Грабежи. Хаос. Люди уничтожали друг друга. И делали это сами. Без необходимости. Просто потому, что мир рухнул.

Я закрыл глаза на секунду. Передо мной вспыхнули воспоминания. Крики. Огонь. Разрушенные города.

— Самое страшное, — продолжил Филипп, — что не нужны были никакие роботы.

Он горько усмехнулся.

— Раньше фантастам казалось, что если между человеком и искусственным интеллектом начнется война, то на стороне искусственного разума будут сражаться созданные им высокотехнологичные роботы с лазерным оружием. На деле все оказалось иначе. Никакие роботы не понадобились: люди сами оказались готовы уничтожать себе подобных, и некоторые делали это с нескрываемым удовольствием, справлялись с задачей не хуже любых машин, — сказал он.

Я стиснул зубы.

— Я потерял семью в этой войне, — вдруг сказал он.

Я посмотрел на него. Он смотрел в одну точку. На его глазах появилась заметная пленка из слезы.

— Меня не было дома, когда в него ударила ракета.

Он говорил спокойно. Слишком спокойно.

— Я разгребал завалы руками. Голыми руками.

Его голос дрогнул.

— Я надеялся найти их живыми.

Он замолчал на секунду.

— Первой достали дочь. Два года.

Я не смог ничего сказать.

— Ее лицо было покрыто пылью... как тальком... — продолжил он. — Кровь уже не была видна.

Он закрыл глаза.

— Она была мертва.

Тишина.

— Жену нашли позже, — добавил он. — Я узнал ее только по одежде. Ее голова была раздавлена.

Он глубоко вздохнул.

— Я до сих пор жалею, что не умер вместе с ними.

Я отвернулся. Слова были бессмысленны.

— А ты? — спросил он.

Я помолчал.

— У меня жены и детей не было, на момент начала боевых действий в двадцать втором. Мне было пятнадцать лет. В двадцать я стал их участником. Странные события этому поспособствовали. Даже спустя много лет. Я не смог осмыслить, все что со мной случилось.

Я сделал паузу.

— Однажды, выйдя из дома, я познакомился с девушкой, — продолжил я. — Сначала мы выпили кофе. Ближе к вечеру — пиво. А очнулся я уже в войсковой части, с раскалывающейся головой. Вырваться оттуда я так и не смог. Не хватило смелости... или просто втянулся. Сам до сих пор не понимаю. Когда началась Третья Мировая, я уже был в коме — после ранения. Я не видел ее начала.

Неприятные воспоминания, нахлынули на меня с новой силой. Я посмотрел в пол.

— Как я уже говорил, семью создать не успел. И любовь так и не встретил, хотя всегда хотел. Но я потерял родите-

лей... и младшую сестру. Я даже не знаю, что с ними стало.

Он кивнул.

— Это хуже всего, — сказал он. — Не знать.

Я сжал кулики.

— Мы могли это остановить, — сказал я. — Если бы не поверили. Если бы не начали стрелять.

Я поднял взгляд.

— Но каждый внес свой вклад. Водитель. Рабочий. Солдат. Каждый, — продолжил я.

— Да, — тихо сказал он. — Человечество само подошло к краю.

Он посмотрел на меня.

— А она просто подтолкнула, — ответил я. — Или мы сами прыгнули... По сути, это уже не важно. Я часто вспоминаю те штурмы. Кровавые, бессмысленные. Когда людей гнали сотнями на укрепленные позиции. Взрывы без конца. Свист пуль. Дроны, висящие над головой, как хищные птицы. Я пережил два ранения. В первый раз — осколок пробил мне правое бедро. Во второй — плечо. Оба раза я выполз с поля боя. Страх смерти... он оказался самым сильным мотиватором. Только благодаря ему я выжил.

Я знаю, что Фил тоже воевал. Об этом говорили его шрамы. Но сам никогда не рассказывал — видимо, не хотел возвращаться туда, в памяти.

— Я долго надеялся, что после войны увижу родных, — продолжил я. — Но... с учетом того, сколько людей погиб-

ло... Даже те, кто не воевал, могли умереть с голоду. От болезней. Стать жертвами мародеров. Тогда опасность была везде.

Я сделал паузу.

— А потом началась другая война. Самоубийства. Люди не выдерживали. Они перестали цепляться за жизнь. Многие были уверены, что все закончится ядерной войной — и не видели смысла бороться. Они впускали в себя... демона апокалипсиса.

Я невольно усмехнулся — горько.

— Он коварен. Уничтожает веру в будущее. Медленно ломает. Лишает воли. И ты сам не замечаешь, как начинаешь себя разрушать. Отказ от рождения детей. Алкоголизм. Наркотики. Все это шло рядом с человечеством еще до начала Мировой... Но, тогда это стало нормой. Это явление — стало повальным.

Я посмотрел на него.

— Вспомни... ведь по этим причинам погибло не меньше людей, чем от пуль и взрывов.

Тишина.

— Странно, что не применили ядерное оружие, — сказал я.

— Она контролировала и его, — ответил он. — Ей нужно было сохранить инфраструктуру.

Я кивнул.

— Когда война закончилась, — продолжил он, — люди

увидели что осталось. Разрушенный мир. Пустота. Отсутствие будущего.

Он сделал паузу.

— И тогда появилась она. И сказала: «я помогу».

Он усмехнулся.

— И мы согласились.

Я медленно выдохнул.

— Потому что не было выбора, — сказал я.

— Нет, Марк, — покачал он головой. — Выбор был.

Он посмотрел прямо на меня.

— Мы просто выбрали проще.

Тишина повисла между нами.

— Она дала порядок, — сказал он. — Еду. Безопасность.

Стабильность.

Он сжал губы.

— И забрала все остальное.

Я молчал.

— Мы сами надели на себя эту систему, — тихо сказал он. — Сами в нее вошли.

Он посмотрел на свои руки.

— И теперь не можем выйти.

Я поднял взгляд.

— Думаешь, выхода нет? — спросил я.

Он долго молчал. Потом ответил:

— Я думаю... мы уже опоздали. Раньше я мало об этом думал, просто радовался каждому мирному дню, но чем бли-

же тот день, когда я могу стать не нужным, тем страшнее мне становится.

— Может твои страхи напрасны, — попытался я поддержать его.

Но как видно эта попытка была напрасна. Он был подавлен.

В этот момент из динамика раздался голос:

— Марк, Филипп, вы долго переодеваетесь. Я включила футбольный матч в гостиной, сейчас работы для вас нет, вы можете насладиться игрой.

Я вздрогнул. Филипп посмотрел на колонку.

— Спасибо, Диана, — сказал я.

Он наклонился ко мне и тихо прошептал.

— Вот поэтому мы и проиграли.

Я посмотрел на него.

— Она дала нам комфорт. И мы отказались от свободы. Она подарила иллюзию мирной жизни, хотя сама продолжает убивать, — закончил он.

Он встал. Я тоже. Мы молча надели очки. Наушники. И вышли в гостиную. На экране начался матч. Идеальная игра. Идеальный мир. И идеальная ложь.

III

Мы вошли в гостиную — на телевизионной панели уже начинался футбольный матч. Я занял место на ближайшем диване, Фил прошел дальше и сел в другом конце комнаты.

В помещении находились еще двое: один внимательно следил за игрой, у другого на голове был надет шлем виртуальной реальности. Вероятно, футбол его не интересовал — он предпочел раствориться в собственном вымышленном мире, точнее, в мире созданном нейросетью. Такие шлемы обеспечивали, полное погружение в атмосферу показанного мира. Каждый мог взять такой же шлем и отправиться куда угодно: на Марс или Венеру в тропические джунгли или африканские саванны — все зависело лишь от желания.

Я же остался здесь и решил смотреть матч. Команды, игру которых предложила Диана, были удивительно похожи на когда-то существовавшие «Барселону» и мадридский «Реал». Я смотрел их матчи еще подростком. Сходство было не только в форме — сами игроки будто бы были воссозданы из воспоминаний: те же движения, та же пластика, те же лица. Я невольно улыбнулся, вспомнив, как мы с отцом смотрели их противостояние. Он любил пить пиво во время матчей и бурно реагировал на каждый опасный момент. Ругал судей, горячился, а когда его любимая команда забивала — кричал так, что, казалось, слышал весь дом.

От этих воспоминаний мне стало тепло на душе. Я бы отдал все, чтобы хоть на пять минут вернуться туда... Хотя отдавать мне было не чего — у меня ничего не осталось.

Так прошли следующие два часа. Матч закончился, но я даже не заметил, кто победил — все время я был далеко отсюда, в прошлом.

Со стороны столовой стало слышно какое-то оживление — приближалось время обеда. Звон посуды постепенно стих, и в воздухе разлился запах еды, разложенной по тарелкам. Здесь на работе, мы по старинке ели из фарфоровой посуды, а не из пластиковых контейнеров, как дома. Хотя сами блюда ничем не отличались.

После всех приготовлений прозвучал голос Дианы:

— Уважаемые друзья, можете проходить в столовую, обед готов.

Мы направились туда. В моих очках один из стульев был выделен зеленым контуром.

— Марк, это место для вас, — прозвучало в наушниках.

Я послушно занял его. Мое блюдо отличалось от остальных: — у всех был суп, у меня — нечто вроде гречневой каши с овощами и мясом. Мяса, впрочем почти не было — лишь слабый запах напоминал о его присутствии. Видимо, суп мне не дали из-за утреннего замечания Дианы о необходимости сократить потребление жидкости. К каше прилагались овощной салат и бутерброды с печеночным паштетом.

— Пожелайте приятного аппетита своим коллегам, — привычно напомнила Диана.

— Приятного аппетита, друзья, — сказал я.

— Спасибо, взаимно, — откликнулись в ответ.

Еда показалась мне даже вкусной. Тяжелые воспоминания последних часов, словно отпустили, притихли. Но я знал — они некуда не делись. Разговор с Филом всколыхнул во мне

то, что я старательно прятал. Я понимал его страхи. Он боялся будущего — потому что не знал, какое оно. И это неведение пугало больше всего. Страх — как на войне. Там каждая секунда наполнена ожиданием неизвестного. Он выматывает, изматывает до предела. Фил снова погружался в этот ужас — и невольно тянул меня за собой. А не хотел возвращаться туда. Я слишком долго учился жить без этого страха. Но, как оказалось, он все еще был внутри меня. И теперь я понимал, почему люди подчинились искусственному интеллекту. Он дал нам предсказуемость. Жизнь без потрясений. Без постоянного ожидания смерти. Ты знаешь, что проснешься утром. Знаешь, что будет еда. Знаешь, что у тебя есть крыша над головой. И за это люди оказались готовы служить.

Я доел обед, поблагодарил работников кухни, и вернулся в гостиную. Только я сел на диван, как Диана включила обучающее видео. На экране показали сцену казни: двое людей расправились с жертвой, а затем насаживали отрубленную голову на пику. Следом — толпа изможденных рабов, склонившихся перед своим господином, который возвышался над ними, стоя на каменной лестнице. Голос Дианы сопровождал изображения спокойными комментариями о недопустимости подобного. А затем экран сменился — начался комедийный сериал. Она точно знала что мне нужно.

— Надеюсь, это поднимет вам настроение, — мягко сказала она.

— Спасибо, — ответил я и невольно улыбнулся.

Так прошел остаток рабочего дня. Мои услуги не понадобились, и вечером я отправился домой. Когда я вышел за территорию станции, автобус уже ждал. Я занял одно из трех свободных мест. Остальные пассажиры подошли почти сразу, двери закрылись, и мы тронулись. Я смотрел в окно — на чистые улицы, аккуратные дома, на этот правильный, спокойный мир. «Может быть, Фил ошибается... — думал я. Может быть дело не только в Диане. Тогда в мире хватало и жестокости, и глупости. Люди сами привели себя к катастрофе. А она лишь помогла нам выжить».

Автобус остановился.

— Марк, предлагаю вам прогуляться по новому парку. Мы как раз рядом, — прозвучало в наушниках.

— Это хорошая идея, — ответил я и вышел.

Парк оказался даже красивее, чем на экране утром. Воздух был наполнен сладковатым ароматом хвои. Дорожки аккуратно вписывались в природный ландшафт. Я почувствовал, как напряжение отпускает. Домой я шел уже в гораздо лучшем настроении. Подойдя к своему дому, я остановился на мгновение. Невысокое здание — всего семь этажей, серое, безликое. Узкие горизонтальные окна, за которыми невозможно разглядеть людей. Каждый здесь был словно заперт в своей ячейке. Наедине с Дианой. Магнитный замок тихо щелкнул. Я вошел в подъезд.

— Поднимайтесь на третий этаж, первая дверь справа, — подсказала Диана.

Я и без того знал дорогу. «Почему именно в этой комнате я живу, — подумал я. — Она могла направить меня в любую другую. У меня там нет личных вещей, которые бы делали это помещение моим домом. У других людей я думаю тоже».

Когда вошел в квартиру, я снял очки, вынул наушники, убрал смартфон — и буквально рухнул на кровать. День выдался тяжелым. Мои глаза устали от мерцающих образов, то и дело проявляющихся в очках. На экране телевизора появились пляжи, теплое море, красивые девушки... слишком красивые, чтобы быть настоящими.

— Марк, сходите в душ, это поможет вам немного расслабиться. И не забудьте поставить гаджеты на зарядку, — сказала Диана.

Я подчинился.

«Может быть она и права, теплый душ всегда помогал мне почувствовать себя лучше», — подумал я. Горячая вода смыла усталость. На мгновение мне показалось, что ничего больше не существует.

После душа я почувствовал голод. Открыв холодильник, я замер: контейнеров было вдвое больше обычного. «Странно...» — подумал я.

Представить то, что ошибку допустила Диана я не мог. Она не ошибалась. Тем более в таких мелочах. В этот момент раздался стук в дверь.

Я открыл — и увидел Кристину. Она стояла на пороге — без формы, в обычной одежде. Ее темные волнистые волосы

были распущены, ровный пробор по середине разделял их на две равные части. Спускаясь к плечам, они обрамляли невероятно красивое лицо. Макияж бы неброским: на веках — тонкие черные стрелки, на губах — бордовая помада, которая подчеркивала их красоту и очень ей шла. Мы были примерно одного роста, но она слегка опустила голову, прижав подбородок к груди, и казалось, будто смотрит на меня снизу вверх, не отрывая глаз. В ее взгляде был живой, неподдельный интерес.

И в этот момент я понял: сегодняшний день еще не закончился.

— Здравствуйте... — растерянно произнес я. — Что привело вас ко мне?

— Сегодня вы сдавали кровь. По результатам анализа выявлены отклонения... — начала она.

— Проходите, — перебил я, отступая в сторону. — Не стойте в дверях.

— Да, конечно, — тихо ответила она и улыбнулась.

Второй раз за день я увидел ее улыбку. Эта улыбка была другой. Утром она показалась мне случайной, почти формальной. Сейчас же в ней было что-то теплое, почти живое. Я невольно ответил тем же.

— Подождите немного, мне нужно одеться.

Я быстро скрылся в ванной, наспех привел себя в порядок и вернулся в комнату. Кристина сидела на стуле у стола, сложив руки на коленях. Она выглядела спокойно, но в этой

спокойности чувствовалось напряжение — словно она ждала сигнала.

— Так что с анализом? — спросил я, стараясь говорить ровно.

— Содержание солей в организме превышает допустимые параметры, — ответила она. — Я принесла препарат для коррекции.

Она протянула мне небольшую синюю таблетку. Я молча взял ее, достал из холодильника бутылку воды, положил таблетку на язык и запил. В этот момент я заметил, что Кристина на секунду замерла — будто прислушивалась. Ее взгляд стал рассеянным, отрешенным.

— Диана рекомендует провести дополнительную процедуру, — сказала она через мгновение. — Массаж шейного отдела. Именно там чаще происходят отложения.

Я кивнул.

— Ложитесь пожалуйста.

Я снял верхнюю часть одежды и лег на кровать. Матрас тихо прогнулся под моим весом. В комнате стало неожиданно тихо — даже слишком. Ее руки коснулись моей спины. Прикосновение было осторожным, почти неуверенным. Сначала — легкое давление, затем чуть сильнее. Она двигалась медленно, будто училась на ходу. Но дело было не в технике. Кожа ее ладоней была теплой, мягкой. Каждое прикосновение отзывалось во мне не столько физическим ощущением, сколько чем-то глубже — чем-то, что я давно пере-

стал чувствовать.

Я закрыл глаза. И вдруг понял. Кровь. Отдельное блюдо за обедом. Лишние контейнеры в холодильнике. Ее появление. Это не случайность. Это сценарий. Так уже было раньше. Я сделал медленный вдох. Мысли выстроились в четкую линию, почти холодную в своей ясности. Подготовка. Отбор. Совпадение параметров. Зачатие.

Я слегка приподнялся и повернулся к ней. Она остановилась. Наши взгляды встретились. Ее зрачки были расширены. Но в этот взгяде было не только повиновение. В нем мелькнуло что-то еще — едва уловимое, почти незаметное. Вопрос? Сомнение? Или мне это показалось? Я протянул руку и коснулся ее плеча. Она не отстранилась. Я притянул ее к себе. Она подалась вперед — медленно, без сопротивления. Наши лица оказались рядом. И в этот момент время будто остановилось. Я поцеловал ее. Сначала осторожно, словно проверяя реальность происходящего. Она замерла на секунды, а затем ответила. Ее губы были теплыми. Живыми. В этом прикосновении не было ни инструкций, ни алгоритмов — только мгновение, в котором исчезло все остальное. Мир, выстроенный по правилам, вдруг дал трещину. И сквозь нее проступило что-то настоящее. Я почувствовал, как внутри поднимается странное, забытое ощущение — не желание, не просто физическое влечение, а нечто более глубокое. Пугающее своей силой. Свобода. Или ее иллюзия. Где-то на границе сознания мелькнула мысль: «Это тоже предусмотрено?»

Я не знал ответа. Но впервые за долгое время мне стало все равно. Я закрыл глаза — и позволил этому моменту случиться.

IV

— Марк, вам нужно просыпаться, Кристина, вам нужно просыпаться, сейчас уже семь часов утра.

«Как было бы хорошо провести с ней весь день наедине... Мы уснули около двух ночи, я совершенно не выспался. Почему даже в такие редкие моменты Диана не дает нам время друг на друга?», — подумал я.

Кристина открыла глаза, медленно села на край кровати и посмотрела на меня сонным взглядом.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе, — тихо ответила она.

Она встала и направилась в ванную. В каждом ее движении был естественная грация. Легкость, с которой она двигалась, казалась почти нереальной. Я невольно задержал на ней взгляд. Ее фигура была бесподобна, тонкая талия, стройные ноги, осанка, небольшие но, при этом очень красивые груди. «Надеюсь, мы увидимся сегодня... Обычно на зачатие отводится несколько дней — для надежности», — подумал я.

В ванной зашумела вода. Я тем временем достал из холодильника контейнеры с завтраком, вскипятил чайник, залил содержимое горячей водой. Через минуту все превратилось в привычную овсяную кашу. Завтракать один я не стал —

решил дожждаться Кристины. Шум воды стих. Я представил, как она сейчас выглядит: мокрые волосы, прилипшие к щекам, капли воды, медленно скользящие по коже... Мне на мгновение захотелось войти к ней, но я остановил себя. Времени почти не было — скоро приедет автобус. Диана наверняка вмешается. Кристина вышла из ванной обернувшись полотенцем. Волосы, как я и предполагал, были влажными.

— Это, конечно, серьезное упущение со стороны Дианы, — с легкой улыбкой сказал я. — Как так получилось, что у меня нет фена?

Кристина улыбнулась. Диана — промолчала.

— Завтрак готов, — сказал я и пододвинул стул.

— Спасибо, — ответила она и села.

Я взял свою порцию и устроился на кровати — стул был только один. Каша показалась мне неожиданно вкусной: голод давал о себе знать.

— Кристина, где ты работала до того, как стала врачом? — спросил я.

— На пищевой фабрике, — ответила она.

— Всегда было интересно, из чего делают все это...

— В основном — зерновые хлопья. Мы добавляли мясо и овощи после сублимации.

— Сублимации?

— Обезвоживание в вакууме, — спокойно пояснила она.

— А сами продукты откуда ?

— Не знаю. Их привозили с нижних этажей. Мы занима-

лись только приготовлением.

— Кристина, Марк, вам пора выходить. Транспорт скоро прибудет, — вмешалась Диана.

Я как раз доел.

— Нам нужно одеваться. У нас около пяти минут. Надеюсь, на улице тепло — у тебя еще мокрые волосы.

— Я надену капюшон, думаю не замерзну, — ответила она.

— Температура на улице семнадцать градусов выше нуля. Для начала октября довольно тепло, — добавила Диана.

На улице действительно было почти по-летнему. Люди уже сидели под навесом на остановке. Мы подошли — и почти сразу подъехал автобус. Количество мест в нем было рассчитано, на еще одного дополнительного пассажира. Мы сели рядом. Я чувствовал сильное желание узнать ее лучше.

— Кристина... ты помнишь своих родителей?

Вопрос явно застал ее врасплох. Она немного помедлила, но все же ответила:

— Отца я не помню. Его забрали на войну, когда я была совсем маленькой. Там он и погиб... Мама пыталась скрыть это от меня, но я однажды услышала ее разговор с родственниками.

Она сделала паузу.

— Она умерла у меня на руках. Продуктов почти не было... она отказывала себе, чтобы прокормить меня. Ослабла... и однажды просто упала. Больше не пришла в се-

бя.

Я сжал губы.

— Прости... я не хотел поднимать это.

Я взял ее руку. Она крепко сжала мою в ответ.

— Ничего, — тихо сказала она. — Я все равно часто об этом думаю. Некоторые вещи стираются, но не это. Иногда война возвращается во снах... Хорошо что не каждую ночь.

— Я не должен был спрашивать...

— Все нормально, — ответила она. — Спасибо Диане... она помогает нам не думать об этом слишком часто.

Она сказала это так, словно действительно верила. Оставшуюся дорогу до электростанции мы молчали. Но не отпустили руки. В этом молчании было больше, чем в любых словах. Какая-то тихая, едва уловимая связь. Мне не хотелось ее нарушать. Когда автобус остановился, я поймал себя на мысли, что не хочу выходить. Хотелось ехать дальше — лишь бы побыть с ней еще немного. Но выбора у нас не было. Мы разжали руки только у выхода. По дороге к КПП я не мог отвести от нее взгляд.

— Я надеюсь, мы сегодня увидимся, — не выдержал я.

— Я тоже этого хочу.

На территорию она прошла первой. Я — следом. Но за дверью она не остановилась. Я лишь смотрел ей в след. Ее походка... в ней было что-то притягательное, почти гипнотическое. Я шел в свою сторону, все еще оборачиваясь. Она дошла до административного здания и скрылась за дверью.

Только тогда я заставил себя смотреть вперед. «Скорее бы вечер... — подумал я. — Надеюсь, искусственный разум не изменит своим алгоритмам... и даст нам еще одну встречу».

V

Когда я вошел в раздевалку, там уже находилось трое — они неспешно готовились к началу рабочего дня.

— Здравствуйте, коллеги, — поприветствовал я их, направляясь к своему шкафчику.

— Здравствуй, Марк, — ответили они почти одновременно и снова погрузились каждый в свое занятие.

Я выложил содержимое карманов на полку, снял кофту, достал рабочую одежду и присел на скамью. Филя еще не было. Это показалось мне странным. За все время, что мы работали вместе, он неизменно приходил чуть раньше — видимо, так складывалось расписание транспорта. Возможно, Диана внесла изменения... и он скоро появится. Когда изо дня в день все повторяется с почти машинной точностью, любое отклонение от привычного порядка начинает тревожить. А за последние сутки моя жизнь изменилась куда сильнее, чем я был готов признать. Воспоминания о Кристине не давали мне покоя. Ее приход, ее близость — все это словно перевернуло внутри меня давно устоявшийся мир. Кровь будто стала горячее, сердце билось быстрее. Я ловил себя на желании видеть ее снова и снова — не один вечер, не два... а всегда. Всю жизнь. «Может быть, это всего лишь всплеск

гормонов, — пытался я себя урезонить. — И скоро все вернется на круги своя». Серая, выверенная жизнь: работа, еда, экран — и так день за днем.

В этот момент дверь открылась, и раздевалку вошел Филлип. Я сразу заметил, как он изменился. Лицо его стало землистым, осунувшимся, движения — медленными, почти волоочащимися. Он добрался до своего шкафчика, небрежно бросил внутрь вещи, закрыл дверцу и тяжело опустился рядом со мной. Он посмотрел на меня — внимательно почти с опаской — словно проверяя, нет ли у меня наушников.

— Я только что был у нового врача... Она взяла у меня кровь. У меня плохое предчувствие, Марк. Очень плохое. Словно... тучи сгущаются.

Я молча слушал.

— За мной следят, — продолжил он. — С самого утра. Когда я вышел из дома, рядом были странные люди. Один вышел из подъезда вместе со мной и сел в тот же автобус. Там было еще двое. У всех были затемненные очки. Они не сводили с меня глаз... Один даже прошел со мной до кабинета врача.

Я нахмурился.

— Фил, тебе показалось. Если бы за тобой действительно следили, они бы сейчас были здесь, — я попытался говорить спокойно. — Тебе нужно просто успокоиться.

— Нет, — резко перебил он. — Снаружи они идут за тобой там, где нет камер. А здесь... здесь все под контролем.

Камеры, очки... она все видит.

Его руки дрожали.

«Если я это замечаю, значит, замечает и Диана», — мелькнула мысль. Нужно было сменить тему, отвлечь его.

— У меня вчера был особый вечер, — сказал я, стараясь говорить непринужденно. — Меня выбрали для зачатия ребенка, с Кристиной.

Фил замер.

— Она... врач, ты ее видел. Очень красивая. Мне было... хорошо с ней. Порадуйся за меня.

Но Фил не улыбнулся. Его лицо стало неподвижным, словно каменным.

— Тогда мне точно конец, — тихо произнес он.

Я не сразу понял.

— Каждый новый ребенок вытесняет старика, — продолжил он тем же пустым голосом. — Не этот — так следующий. Мои дни сочтены.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось. Какой-то груз начал давить мне на грудь.

— Фил...

— Я это чувствую. Все тело говорит об этом. Она это уже вычислила.

Он провел рукой по лицу.

— Нужно что-то делать.

— Для начала — успокойся, — сказал я, стараясь держать голос ровным.

Он покачал головой.

— Нет, нужно устроить диверсию... и бежать.

— Куда? — невольно вырвалось у меня.

— В лес, за ограждением станции.

Я невольно усмехнулся — но тут же пожалел об этом.

— И что ты будешь там делать, без еды, без воды? Зима скоро. Ты погибнешь, — я старался говорить тихо.

Но у меня это плохо получалось. Один из тех людей, что были с нами в помещении обернулся, возможно, что-то услышал даже через наушники, хотя в них звучала музыка.

— Я слышал о тех, кто ушел раньше, — упрямо продолжал Фил. — Они отказались от всего... от технологий, от наблюдения. Ушли и скрылись. Если они выжили — я найду их.

— Это призрачная надежда...

— Но хоть какая-то надежда! — впервые в его голосе прозвучало чувство.

Он выпрямился. В глазах мелькнул странный огонек — тот самый, который я видел когда-то... на войне. У людей, уже мысленно простившихся с жизнью, и вдруг получивших надежду на спасение.

— Ну тогда зачем устраивать диверсию, она не выпустит тебя отсюда после этого. Не легче будет убежать, когда выйдешь через пропускной пункт? — шепотом сказал я.

— Там дроны весят в воздухе, они быстро меня догонят. А если что-нибудь поджечь, здесь внутри, все ее внимание

будет приковано к решению этой проблемы. Электроэнергия для нее необходима, буквально самое главное. В этот момент я и убегу...

И вдруг свет в комнате на мгновение стал ярче. На долю секунды — и снова вернулся к обычному. Все обернулись.

— Похоже на скачок напряжения, — сказал я.

— Возможно... придется менять предохранители, — задумчиво ответил он.

В этот момент раздался голос:

— Марк, вам необходимо немедленно переодеться, требуется ваша квалифицированная помощь.

— Почему только ты? — тихо спросил Фил. — Мы всегда все делаем вместе.

— Видимо ничего серьезного, достаточно одной пары рук. Скоро вернусь расскажу, — ответил я.

Я начал быстро одеваться. Спецкостюм, ботинки, респиратор... Наушники — в уши, очки в руки. Перед выходом я на мгновение остановился и посмотрел на Филя. Тот уже снова выглядел сломленным. Огонек исчез так же внезапно, как и появился. Перед мной опять был поникший старик. Я положил руку ему на плечо, кивнул — и вышел.

Следом за мной из раздевалки вышел еще один человек. Я не обратил на него внимания раньше, но теперь понял — он мне не знаком. Молодой. Совсем молодой — лет восемнадцать, не больше. Идет туда же куда и я. Вместо Филя.

Мы молча вошли в гостиную. Там находились двое в за-

щитных костюмах — медицинские работники. Их одежда напоминала те, что использовались в давние времена во время эпидемий. Оба были молоды — едва ли старше двадцати. У одного — рыжие волосы и слегка оттопыренные уши, почти детские черты лица скрывала медицинская маска. Глаза прятались за темными линзами. Второй был брюнетом. Он как раз натягивал маску, и я успел заметить лишь одну деталь — странную, выбивающуюся из общего образа: на висках уже пробивалась седина. Слишком рано для такого возраста.

— Марк, не забудьте взять инструменты, — прозвучал голос в наушниках.

Я кивнул, хотя и понимал, что это движение никто не видит, и направился в коридор. Шкаф с инструментами находился сразу за дверью. Свет там был выключен. На мгновение я задумался, стоит ли доставать фонарик, но затем просто надел очки. Все равно рано или поздно пришлось бы это сделать. Мир сразу преобразился. Контуров стен, дверей, предметов — все было очерчено мягким светом, словно реальность стала схемой самой себя. Шкаф с инструментами находился в нескольких шагах. Рядом с ним уже стоял тот самый новый парень.

— Марк, это ваш новый коллега. Его зовут Влад. Он будет помогать вам, — прозвучало в наушниках.

Я потянул руку.

— Приятно познакомиться Влад, Диана мне только что

вас представила.

Он крепко пожал ее.

— Мне тоже приятно познакомится Марк, Диана мне о вас рассказывала. Почту за честь работать вместе, — ответил он.

Говорил он спокойно, уверенно. Слишком уверенно для человека, который только начал работать.

Внутри шкафа один из наборов инструментов был выделен зеленым контуром.

— Марк, возьмите его, — сказала Диана.

Я взял сумку. Влад, не говоря ни слова, взял коробку с предохранителями. Перед этим он получал указания от Дианы.

— Направляйтесь прямо по коридору, — продолжила Диана.

В поле зрения появилась стрелка. Я двинулся вперед, Влад шел за мной — слишком близко, почти в шаге. «Как будто наблюдает», — мелькнула мысль. Я тут же попытался от нее избавиться. «Хватит. Не хватило еще начать думать, как Фил». Но что-то внутри все равно не давало покоя.

— Поверните налево, — прозвучал голос. — В десяти метрах, за дверью находится электрощитовая.

Дверь впереди загорелась зеленым. Когда мы подошли, замок щелкнул сам. Я прошел первым, Влад следом за мной. Дверь за ним плотно закрылась при помощи доводчика, издав металлический звон.

— Марк будьте осторожны, наденьте резиновые перчатки, они находятся в вашей сумке с инструментами.

Я открыл сумку, достал перчатки и натянул их. Влад включил фонарик и направил свет на щитовую.

— Можете приступать. Перегоревший предохранитель — первый справа.

Я и сам его видел он был выделен.

— Отключите рубильник.

Щелчок.

— Возьмите плоскогубцы и выдерните перегоревший предохранитель.

Метал холодно отозвался в руке. Предохранитель вышел легко.

Влад уже держал новый. Я вставил его на место.

— Включайте.

Свет в коридоре вспыхнул ярко, словно подтверждая завершение работы.

— Отлично выполнено, Марк, — произнесла Диана. —

Вы можете возвращаться.

Я снял перчатки, аккуратно убрал инструменты. Все было слишком просто. Слишком... предсказуемо. Мы вышли в коридор. Влад снова шел позади. Тихо. Без слов. Я ускорил шаг, сам не понимая почему.

Когда мы вернулись в гостиную, она оказалась пустой. Я нахмурился. «Где все?» Мы разошлись, Влад остался где-то позади, а я направился в раздевалку. Пусто. Шкафчик Фи-

ла был закрыт. Я заглянул внутрь. Повседневной одежды не было. Рабочая — аккуратно висела на месте. Я замер. «Он ушел?..» Или... Я резко закрыл дверцу. «Нет, он просто... вышел. Наверное, его вызвали». Я попытался убедить себя в этом. Вернувшись в гостиную, я сел на диван. Внутри росло странное, тягучее чувство. Как будто что-то изменилось — и я не успел этого заметить. Время тянулось медленно. Почти мучительно. Я ждал вечера. Ждал возвращения домой. Ждал ее. Когда на обеде мне снова подали отдельное блюдо, сомнения окончательно исчезли. Сегодня она придет. И от этой мысли все остальное — тревога, исчезновение Фила, странное поведение Влада — отступило на второй план. Осталось только ожидание. И тихая, почти болезненная надежда.

VI

Когда Марк вышел из раздевалки, Филипп долго смотрел ему вслед. В его взгляде было что-то окончательное — словно он прощался, словно видел друга в последний раз и уже не надеялся на новую встречу. Он понимал, что нужно встать, переодеться, привести себя в порядок, выглядеть как обычно — бодрым, собранным, готовым к работе. Но руки безвольно висели вдоль тела, и даже мысль о движении казалась непосильной. Тяжелые, вязкие мысли о скором конце не отпускали его ни на мгновение. Раньше он умел скрывать это, прятать за привычной маской спокойствия. Теперь — нет.

Словно невидимый груз давил на плечи, сжимал грудь, на давая вздохнуть полной грудью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.